

Cosmas Indicopleustès. Topographie chrétienne. Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus, t. 1—2, Paris, 1968—1970, стр. 570, 374 (Sources chrétiennes, № 141, 159)

Издаваемое французской исследовательницей Вандой Вольской-Коню сочинение занимает особое место в истории науки: оно как бы знаменует разрыв с традициями античной космологии и закладывает начало тех представлений о вселенной, которые господствовали на протяжении всего средневековья. Сочинение это, именуемое «Христианской топографией» (название было дано самим автором), сохранилось в трех рукописях: самая древняя из них, Ватиканская (Vatic. 699), уникальная, датированная IX в. и изготовленная, скорее всего, в Константинополе. Две другие: Синайская (Sinait. 1186) и Флорентийская (Laug. Plut. IX, 28) — были переписаны в XI в. Все три манускрипта содержат греческий текст и иллюстрации.

Первое издание было подготовлено Б. Монфоконом и вышло в 1706 г. Оно было основано на худшей из рукописей — Флорентийской и содержало много погрешностей. В 1909 г. Э. Уинстедт выпустил новое издание, базировавшееся на Ватиканском манускрипте и уже в силу этого дававшее лучший текст, нежели публикация Монфокона. Рецензируемая книга представляет собой дальнейший шаг в восстановлении текста «Христианской топографии».

Прежде всего, Вольска-Коню опирается на всю рукописную традицию, изучение которой привело ее к следующему выводу: вскоре после написания оригинала был создан первый список, в котором ряд маргинальных помет попал в текст; Ватиканская рукопись восходит непосредственно к этому списку. Вторая (переработанная) редакция возникла немногим позднее первого списка. Она отличается, помимо всего прочего, добавлением XI и XII книг и конца X книги; Синайская и Флорентийская рукописи отражают вторую редакцию (стр. 86). Хотя эти наблюдения соответствуют системе Уинстедта, издательница гораздо шире, чем Уинстедт, привлекала Синайский и Флорентийский манускрипты для восстановления оригинала.

Другая особенность рецензируемого издания состоит в том, что Вольска-Коню впервые подтвердила совокупному анализу текст и миниатюры, а изучение иллюстраций позволило ей в ряде случаев выбрать более убедительное чтение.

Наконец, издательница подошла к «Христианской топографии» не только как филолог-эллинист, но и как исследователь научной и религиозной мысли. Она пачала

с того, что определила место этой книги в философско-религиозной полемике того времени¹. Только подобное всестороннее изучение «Христианской топографии» позволило Вольской-Коню подготовить как критическое издание текста, так и его квалифицированный французский перевод.

«Христианская топография» известна в литературе как сочинение Космы Индикоплова. Рукописи, однако, не содержат имени автора — только во Флорентийской стоит перед первой книгой помета «Космы-монаха», сделанная, по мнению Вольской-Коню (стр. 61), более поздней рукой. Еще Фотий в IX в. не знал имени Космы и говорил, что сочинение это носит название «Христианина книга — Толкование на Восьмикнижие»². Только с X (или с XI) в. начинает встречаться имя Космы Индикоплова в качестве автора «прологов» к псалмам (стр. 109—116), прологов, которые содержатся и в V книге «Христианской топографии». Поздняя традиция имени Космы позволяет Вольской-Коню считать «Христианскую топографию» анонимным памятником, хотя издательница и сохраняет имя — как дань традиции (стр. 15 и сл.).

«Косьма» — александрийский несторианин, живший в первой половине VI в. («Христианская топография» написана между 547 и 549 г.). Он был торговцем (см. I, стр. 365, 5; 369, 8—9), и его книга упоминает о плаваниях в далекие страны: до «Зингия» — «как именуют устье Океана» (I, стр. 335, 3) и до острова Диоскоридов (Сокотра), вдоль которого «Косьма» плыл, но не высаживался (I, стр. 505, 11—12). Вольская-Коню (стр. 17) считает, однако, что «Косьма» никогда не бывал в Индии³ и склоняется к мысли Ю. М. Кобищанова о недостоверности известий «Космы» относительно «золотоносной страны Сасу»⁴.

«Христианская топография» — полемическая книга, направленная как против языческих представлений о вселенной, так и против «христианского аристотелизма», представленного современником «Космы» Иоанном Филопоном, также жившим в Александрии.

При всех своих повторениях и отклонениях, книга «Космы» содержит целостную концепцию христианской космологии, как она была выработана антиохийской богословской школой (прежде всего Феодором Моисеустийским) и ее продолжателями — несторианами Нисибиса (Мар Ава и его последователи)⁵. Сущность этой космологии формулируется уже в начале сочинения «Космы», и затем автор неоднократно возвращается к этой мысли, раскрывая ее в разных связях. Мир создан был господом в двух состояниях (*χταστάσεις*): одно земное, посюстороннее, несовершенное, другое же — небесное, потустороннее, «райское». Эти два состояния трактуются не как два враждебных мира (дуалистическая концепция манихейства осуждается «Космой»), но как две части единого универсума, разделенные и вместе с тем соединенные. Два состояния вселенной находят свою реализацию в самых разных аспектах универсума. Прежде всего пространственный, протяженный космос, единый *χῶρος*, разделен «твердью» (*στερεώματα*) на две части (I, стр. 267 сл.). Символическое мышление «Космы» считает подобием (*ἑμιμαγεῖτον*) космоса скинию (святилище) Моисея, разделенную завесой на две части (между прочим, представление о двух скиниях, разделенных завесой, отчетливее выражено Павлом в «Послании евреям» 9.2—3, нежели в книге «Исхода», 40.2—5, где идет речь о единой скинии, у входа в которую висела завеса, и о «ковчеге откровения», также задержанном завесой). Но если скиния — подобие космоса, то не остается места для эллинистической концепции шарообразной вселенной, которую разделяли не только Филопон, но и некоторые отцы церкви. Уже антиохийские богословы, в том числе Иоанн Златоуст, отказались от сферичности космоса и представляли себе вселенную как двухэтажное здание (см. I, стр. 40). «Косьма» (или его предшественник — Мар Ава?) пошел дальше: то, что у Златоуста было художествен-

¹ См. W. Wolska, *La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès*, P., 1962. См. нашу рецензию: *Виз. врем.* XXV, 1964, стр. 264—265.

² Photius, *Bibliothèque*, par R. Henry, I, P., 1959, стр. 21, 7—8.

³ Иначе — Н. Сомес, *Did Cosmas Come to India*, «Indica», 3, f. 1, 1966, стр. 7—24.

⁴ Ю. М. Кобищанов, *Золотоносная страна Сасу*, ПС, 11, 1964, стр. 94—112.

⁵ См. об этом также Н. В. Пигулевская, *История Нисибийской академии*, ПС, 17, 1967, стр. 99—109.

ным образом, аллегорией, метафорой, стало символом, подобием, прообразом; библейская скиния завета — не просто знак, разъясняющий строение мира, но и внутренне связанный с мирозданием феномен, уже в силу этого гарантирующий данную форму вселенной.

Подобно пространству, время «Косьмы» тоже складывается из двух состояний: «нижний» мир отделен от «горнего» не только пространственно, но и темпорально, ибо нижний мир предназначен для нынешних поколений, а верхний — для будущих, для воскресших, для праведников. Концепция двух состояний раскрывает и содержание человеческой истории, первая часть которой — ученичество и совершенствование, осуществляющееся в «нижнем» мире, вторая же — совершенное бытие бессмертных.

Концепция «Косьмы» отвергала античную космологию, но как раз Вольска-Коню удачно подчеркивает (I, стр. 42), что автор «Христианской топографии» не мог уйти от проблем, поставленных античной наукой: он был вынужден останавливаться на вопросах о границах (или о безграничности) вселенной, о ее равновесии в окружающей среде, о форме Земли и о ее положении в космосе, о смене дня и ночи, о солнечных и лунных затмениях, о причинах землетрясения и дождей. Он решает эти вопросы иначе, чем Филопон, чем античная наука, но причина этому, пожалуй, не «пороки рассудка», как выражается исследовательница, но другой тип логики, средневековая логика с ее преклонением перед авторитетом.

Вольска-Коню суммировала философско-богословскую концепцию «Христианской топографии». Но вопрос о социальных взглядах «Косьмы», о его политических убеждениях не ставится вовсе. Конечно, «Христианская топография» — не социально-политический трактат, но ее автор, несомненно, жил не в асоциальной среде и не мог быть чуждым тому, что волновало современное ему общество.

А. П. Каждан